

описание строительства замка в Новом Ковно, моста через Неман и других достижений, связанных с локальной историей [2, с. 321].

Вместе с тем, мы не будем здесь останавливаться на детальном анализе описания Вигандом конкретной деятельности Кейстута, Ольгерда или полоцкого князя Андрея, политике которого хронист также уделяет достаточно пристальное внимание, так как данные вопросы являются темой отдельного, масштабного исследования. Обращаясь же к общим аспектам «Хроники», которые могут иметь ценность в анализе общеисторических процессов, протекавших на территории ВКЛ в XIII–XIV вв., можно отметить содержание в ней интересных сведений о характере военных походов ВКЛ, особенностях литовской военной стратегии, основных направлениях политики первых монархов, характере складывающегося государства в целом, а также месте и роли первых правителей ВКЛ как внутри самого общества, так и в европейском сообществе. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сам факт того, что хронист Немецкого Ордена уделяет настолько пристальное внимание различным аспектам политики соседнего государства, находящегося в указанный период времени, согласно общепринятой в отечественной историографии точке зрения, в процессе своего формирования, говорит о большой силе, которую имело ВКЛ в конце XIV в. в глазах европейского сообщества в целом и Ордена в частности, а также несомненно свидетельствует о его признании в качестве полноценного, легитимного, пусть и языческого, государства.

Таким образом, «Новая прусская хроника» Виганда из Марбурга является ценным источником по изучению ранней истории ВКЛ, особенно в контексте исследования процессов государствообразования, а также анализа процессов институционализации власти на литовско-белорусских землях.

1. Die Chronik Wigands von Marburg. Originalfragmente, lateinische Uebersetzung und sonstige Ueberreste, herausgegeben von Theodor Hirsch / Wigand von Marburg // *Scriptores rerum Prussicarum* / ed. by Ernst Strehlke. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – S. 429–866.
2. Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / Wigand von Marburg [opr. Slawomir Zonenberg, Krzysztof Kwiatkowski]. – Toruń : Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 2017. – 666 s.
3. Барбашев, А. И. Летописные источники для истории Литвы в средние века / А. И. Барбашев. – СПб. : типография Ю.Н.Эрлих, 1889. – 29 с.
4. Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника (1394) / ред. И. А. Настенко, ком. Н. Н. Малишевский. – М. : Новая Панорама, 2014. – 256 с.
5. Риер, Я. А. Первые правители ВКЛ в немецких источниках / Я.А.Риер // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. Выпуск 11. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 7–18.

Мартынюк А.В.

РАДЗИВИЛОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ: СОБЛАЗНЫ И СОМНЕНИЯ ВОКРУГ ЗНАМЕНИТОГО ПАМЯТНИКА

Радзивилловская летопись (далее – РЛ) не нуждается в представлении и является одним из самых знаменитых памятников русского летописания. История РЛ неоднократно становилась предметом изучения. Судьбу рукописи удастся проследить с середины XVII века, когда РЛ впервые документально фиксируется в составе библиотеки князей Радзивиллов (что и дало ей название, под которым она известна в научной литературе). В 1671 г. летопись поступает в библиотеку г. Кёнигсберга. Как трофей Семилетней войны рукопись перемещается в Россию и с 1761 г. находится в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге. С 1994 г. Радзивилловская летопись доступна для изучения (добавим: и для эстетического любования) в виде факсимильного издания [3; 4]. Данное издание ввело в широкий оборот 618 миниатюр летописи, благодаря которым РЛ и занимает свое особое место в истории русского летописания. Для изучения миниатюр РЛ продолжают сохранять значение классические исследования А.В. Арциховского и О.И. Подобедовой [1; 2]. Здесь и далее мы будем говорить о Радзивилловской летописи как о визуальном памятнике – иллюминированной рукописи исторического содержания, – не рассматривая вопрос об источниках собственно летописного текста.

По кодикологическим признакам рукопись Радзивилловской летописи может быть довольно точно датирована временем около 1490 г. Собственно, на этом и заканчиваются наши достовер-

ные знания об обстоятельствах создания РЛ и начинаются проблемы, за которыми следуют «соблазны и сомнения». Оговоримся сразу, что мы не понимаем последние в негативном ключе, а рассматриваем как «вызов» современным исследователям, который может помочь нам взглянуть на знаменитый памятник. Проблематике «соблазнов и сомнений» и посвящена данная небольшая публикация.

За последние сто лет научного изучения исследователи выдвинули много предположений, где могла быть создана рукопись Радзивилловской летописи: Москва, Тверь, какой-либо иной город или монастырь Северо-Восточной Руси, Смоленск, Новгород и др. Все эти предположения объединяет то, что они сделаны на чисто умозрительных основаниях: никаких надежных данных для решения вопроса о месте создания РЛ нет. По крайней мере Смоленск и Новгород были добавлены в этот список, чтобы объяснить очевидное «западное» влияние на миниатюры РЛ: оба города представляются исследователям теми местами, где это влияние можно предположить с большей или меньшей степенью вероятности. Сравнительно недавно А.П. Толочко предложил в качестве места создания РЛ Владимир-Волынский, введя таким образом в научный оборот «украинскую» версию происхождения памятника [6; 7]. В этом контексте представляется даже несколько странным, что никто до сих пор не предложил «белорусскую» версию создания РЛ. Этот «соблазн», на наш взгляд, совсем несложно реализовать на минимально приемлемом научном уровне, учитывая то внимание, которое в миниатюрах РЛ уделено полоцким сюжетам (например, сюжеты с Рогнедой или индивидуализированные изображения князя Всеслава «Чародея», выбивающиеся из общего визуального ряда). В наш век «национализации истории» и «дележа древнерусского наследства» версия о Полоцке как месте создания РЛ ничем не хуже, чем версия о Москве, Новгороде или Владимире-Волынском. Как справедливо отметил А.П. Толочко, у нас, собственно, нет никаких следов бытования Радзивилловской летописи вне пределов Великого княжества Литовского, где она была впервые документально зафиксирована в XVII веке [7, с. 70].

Иные «соблазны» порождают миниатюры РЛ – яркие, красочные и не имеющие прямых аналогов в культурном пространстве восточнославянского Средневековья. Изучение миниатюр РЛ началось более ста лет назад с указания на их возможные «западные» истоки, связь с визуальными образами западноевропейской средневековой миниатюры и ранней гравюры. Затем фокус внимания исследователей сместился на проблематику своеобразия миниатюр РЛ, их взаимоотношения с древнерусской культурной традицией. Известный исследователь советского времени Б.А. Рыбаков смело «снял позднейшие напластывания» и видел в миниатюрах РЛ следы иллюстрированного летописания предшествующих эпох, вплоть до X века включительно [см. статью исследователя в факсимильном издании РЛ: 4, с. 281–301]. С современной точки зрения это уже не так очевидно, более того – скорее сомнительно. По нашему мнению, необходимо снова вернуться к начальной точке и постараться взглянуть на миниатюры РЛ свежим взглядом. Миниатюры Радзивилловской летописи – это совершенно особый мир визуальных образов, смелый новаторский синтез, который произвели неизвестные нам по имени художники. Удивительно, но два выдающихся памятника иллюстрированного историописания средневековой и раннемодерной Руси – Радзивилловская летопись и Лицевой летописный свод (ЛЛС) – остаются изолированными памятниками, вне прямой связи с предшествующей и последующей культурными традициями. На сегодняшнем этапе изучения проблематики становится очевидным, что РЛ и ЛЛС являются своеобразными «иллюминированными гапаксами» в истории развития русского (восточнославянского) летописания.

Отдельной проблемой остается вопрос о т.н. «пририсовках» к миниатюрам: фигурах зверей, «герольдов» и др. на полях рукописи. За прошедшее столетие сложилась традиция видеть в них аллегорические изображения и истолковать их содержание в историческом ключе, как своеобразный комментарий к тексту летописи (в наиболее развернутом виде – в работе Б.А. Рыбакова [5, с. 184–206]). Смелую попытку пересмотреть данную традицию предпринял А. П. Толочко. По мнению исследователя, перед нами не свидетельства глубокого переосмысления летописного текста, а пробы пера неизвестных нам по имени художников, что, помимо всего прочего, свидетельствует о черновом (а не парадном, как это всегда молчаливо принималось) характере всей рукописи. Исследователю даже удалось указать на точную иконографическую аналогию некоторых из пририсовок, а именно на фрески Успенского собора во Владимире-на-Клязьме, выполненные Даниилом Черным и Андреем Рублевым в начале XV века [6]. Парадоксальным

образом данная находка А.П. Толочко отрицает другую гипотезу этого же исследователя: если художники видели фрески в великорусском Владимире, то предположение о создании рукописи в волыньском Владимире представляется избыточным. Итак, выдвинутая версия об «украинском» происхождении РЛ снова распадается на составные части и отдельные наблюдения о характере и возможных источниках миниатюр.

В этом контексте соблазнительной представляется идея снова вернуться к поиску конкретных прототипов миниатюр Радзивилловской летописи за пределами восточнославянского культурного пространства. С самого начала изучения в них видели влияние западноевропейского Средневековья. Но образы, нашедшие отражение в РЛ, собственно, не совсем средневековые. В этих образах видна конкретная эпоха – XV век, период «осени Средневековья» по выражению голландского историка культуры Йохана Хейзинги. По нашему мнению, можно говорить о «визуальной революции» XV века, когда создатели иллюминированных манускриптов открыли для себя новые темы и по-новому «увидели» окружающий мир. Следы этой «революции» видны в таких памятниках, как: «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке, «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя, неопубликованная рукопись Иоганна Реллаха в Нюрнберге и др. Все эти памятники датируются второй половиной XV века и имеют некоторые общие признаки: предметное восприятие окружающего мира, интерес к индивидуальному, интерес к чужим обычаям и культурам (и попытки визуализировать их) и др. По нашему мнению, в этом типологическом ряду перспективно рассматривать и визуальные образы Радзивилловской летописи. Данная проблематика требует дальнейшего изучения.

Итак, в изучении Радзивилловской летописи больше вопросов, чем ответов. Знаменитый памятник предстает перед нами таким же загадочным и одиноким, как и сто лет назад. «Научная интрига» сохраняется, что должно, по нашему мнению, побуждать исследователей к поиску новых подходов и выдвижению новых гипотез.

1. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М., 1944.
2. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории лицевого летописания / О. И. Подобедова. – М., 1965.
3. Радзивилловская летопись / отв. ред. М. В. Кукушкина. – Т. I: Факсимильное воспроизведение рукописи. – СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994.
4. Радзивилловская летопись / отв. ред. М. В. Кукушкина. – Т. II: Текст. Исследование. Описание миниатюр. – СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994.
5. Рыбаков, Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М.: Мол. гвардия, 1991.
6. Толочко, А. П. Пририсовки зверей к миниатюрам Радзивилловской летописи и проблема происхождения рукописи / А. П. Толочко // Ruthenica. – 2005. – Vol. IV. – С. 62–84.
7. Толочко, А. П. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи) / А. П. Толочко // Ruthenica. – 2014. – Vol. XII. – С. 67–81.

Скварчэўскі Д.В.

АДЛЮСТРАВАННЕ БАЛЦКАГА ПАГАНСТВА Ё ПМНІКАХ ЛЕТАПІСАНА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Асаблівае даследаванне дахрысціянскай рэлігіі насельніцтва Беларусі і суседніх краін з'яўляецца мала колькасць наратыўных гістарычных крыніц па гэтай тэме. З аднаго боку, звесткі пра паганства ў летапісных помніках даўно вядомыя, а з другога, дагэтуль застаецца прастора для вывучэння, асабліва ў рэчышчы ўяўленняў насельніцтва XV–XVI стст. пра ўласнае мінулае і асэнсавання сваёй культурнай традыцыі. Важнымі з'яўляюцца не толькі звесткі пра тое, якіх багоў ўшаноўвалі, як выглядалі стоды і якія здзяйсняліся абрады, але і кантэкст паведамленняў пра паганства ў летапісных творах, іх сэнс і сувязь з агульным тэкстам.

Неабходна падкрэсліць, што паганства ў гісторыі Беларусі не было адзінай маналітнай рэлігіяй, як гэта часам стэрэатыпна ўяўляецца. Варта казаць пра паганскія рэлігіі, якія хоць і маюць агульны індаеўрапейскі выток, аднак развіваліся ў розныя гістарычныя перыяды ў розных этнакультурных супольнасцях. І гэта таксама прасочваецца ў помніках беларуска-